

ка «Гэльские древности» («Galic antiquities», 1780) известного английского филолога Джона Смита (1747–1807). В текст рецензии он внес ряд изменений, отражавших его разочарование в «оссианической поэзии». Особое внимание уделено опубликованным в «Пантеоне» сочинениям Бенджамина Франклина, интерес к личности которого проходит через все творчество Карамзина. В заключительной главе четвертой части «Век Просвещения в Европе: Франция и Англия» делается вывод о правомерности рассмотрения трехтомного «Пантеона» как «своего рода журнала одного автора», вступавшего в диалог с читателем посредством переводов из других авторов.

Заканчивает монографию раздел приложений, включающий: библиографию переводов Карамзина с 1783 по 1800 год, список использованной научной литературы и именной указатель. Первый из этих материалов, опубликованный еще в 1989 году,⁶ является ключом к книге, его концентрацией *in nuce*, почему и заслуживает специального разговора. Библиография переводов Карамзина содержит разделы: 1. Отдельные издания; 2. Журнальные публикации;⁷ 3. Сборники переводов.

⁶ Кафанова О. Б. Библиография переводов Н. М. Карамзина (1783–1800) // XVIII век. Л., 1989. Сб. 16. Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. С. 319–337.

⁷ Здесь находим следующие подразделы: «Детское чтение для сердца и разума» (1785–1789), «Московский журнал» (1791–1792), «Аониды, или Собрание разных новых стихотворений» (1796–1799), «Московские ведомости» (1795), «Муза» (1796), «Пантеон иностранной словесности» (1798). Строго говоря, вряд ли к журналам можно причислить газету «Московские ведомости», альманах «Аони-

В третьем из них всего одна позиция: «Новые Мармонтелевы повести» (М., 1794–1798. Ч. 1–2), которую, на мой взгляд, было бы уместнее поместить в разделе первом, ведь это тоже «отдельное издание». Важнейшей заслугой Кафановой следует признать составление второй части библиографии переводов Карамзина — многие годы она потратила на поиск источников, предприняв фронтальный просмотр ведущих франко- и немецкоязычных журналов за релевантные годы («Allgemeine Deutsche Bibliothek», «Bibliothèque Britannique», «Deutsche Monatsschrift», «Magasin Encyclopédique», «Mercure de France», «Der Neue Teutsche Merkur» и др.).

Изменившаяся информационная ситуация, обширные электронные библиотеки, несомненно позволяют еще продолжить работу по поиску источников переводов Н. М. Карамзина (часть из них мною уже уточнена, о чем я собираюсь написать отдельно). При этом книга Кафановой, в основу которой положены многолетние разыскания, — несомненно определенный рубеж, завершающий длительный период изучения этой грани литературной деятельности выдающегося русского писателя. Благодаря монографии Кафановой наглядно предстает круг литературных приоритетов Карамзина, его переводческие и переложительские техники и стратегии, его просветительские интенции, его широкая осведомленность в западноевропейской словесности, его интерес к Востоку, Африке и Новому Свету, а также те пути, на которые он устремлял отечественную литературу, и те горизонты, которые перед ней открывал.

ды», сборник «Пантеон иностранной словесности», поэтому этот раздел скорее заслуживал названия «Публикации в периодике».

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-1-273-276

© В. С. Отяковский

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ КАК ПОЗДРАВЛЕНИЕ*

Тысячестраничный том — фестшрифт, подарок к 60-летию известного слависта Майкла Вахтеля, одного из ведущих американских пушкинистов и специалистов по творчеству Вяч. Иванова. В книге собраны тексты разных форматов от заметки в четыре страницы до публикации в сто пятьдесят. Сборник двуязычный (13 статей на английском и 28 — на

* Unacknowledged Legislators: Studies in Russian Literary History and Poetics in Honor of Michael Wachtel / Ed. by L. Fleishman, D. M. Betha, I. Vinitzky. Berlin: Peter Lang, 2020. 996 p.

русском), в нем представлены исследователи славистических школ разных стран и континентов. Широту охвата «Непризнанных законодателей» подчеркивает большой хронологический разброс представленных тем — от Золотого века до позднего модернизма. Несмотря на это, книге удается сохранить цельность, чему способствует общий фактологический характер подавляющего большинства разысканий: публикации и комментарии здесь преобладают над интерпретациями. В фестшрифте отсутствует рубрикация, статьи можно мысленно относить к разделам, так или иначе напоминающим о специализации юбиляра: ядро

сборника составляют семь работ о Пушкине, несколько носят компаративистский характер, а вот герою вахтелевских исследований В. И. Иванову напрямую не посвящено ни одной публикации, лишь две — его окружению. Впрочем, истории литературы XX века отведено примерно в три раза больше страниц, чем XIX века.

Упомянутый выше «пушкинский» блок открывает А. Ю. Балакин и его «„Безрукий инвалид“ в пушкинских „Моих замечаниях об русском театре“» (с. 61–69), где раскрывается псевдоним «В. — Кл-нов», которым была подписана статья, вызвавшая колкость Пушкина. Исследователь предполагает, что «безрукий инвалид» — не литературная маска, а отражение биографии автора фельетона, считает таковым И. Ф. Воейкова, аргументируя догадку газетными и архивными данными. Брат автора «Дома сумасшедших» «был серьезно ранен в правую руку и голову во время наполеоновских кампаний — и, придумывая свою „фельетонную личность“, ему оставалось только иронически гиперболизировать свои увечья» (с. 68).

Другой комментарий — «Две строки и три соседа: контексты одного пушкинского перевода» Дарьи Хитровой (с. 83–94), где подробно рассматривается зачин ненаписанного текста — «Жил был в прежни времена / Живописец беспримерный». Текстологический и биографический анализ позволяет установить, что поэт намеревался создать пародийный перевод баллады Роберта Саути, а смелые предположения исследовательницы также намекают влияние этого «сюжетного зерна» на гоголевский «Портрет».

Через пушкиноведческих разысканий продолжается публикацией А. А. Долиннина «What Can We Do with Books from Pushkin's Library?» (с. 95–110). В ней формулируются некоторые правила касательно того, как следует пользоваться известным каталогом Б. Л. Модзалевского, даются примеры ошибок, выросших из неисторического подхода к пушкинской библиотеке. Историк расширяет комментарий к «Путешествию в Арзрум», анализируя прочитанную Пушкиным книгу двух американских миссионеров, некоторые фрагменты которой перекочевали в его текст, а фраза «The people of Georgia are among the hardest drinkers in the world» получила курьезный перевод «Грузины пьют не по нашему и удивительно крепки».

Наконец, последняя работа такого рода — «Из комментария к „Пиковой даме“» Михаила Безродного (с. 133–140) о четырех фразах повести. Каждый из фрагментов получает толкование, рождаемое из наблюдений над ритмом текста, поиска его источников и нового понимания многозначных слов.

Еще три статьи о Пушкине носят интерпретационный и компаративистский характер. Работа Габриэллер Сафран «Aleksandr Pushkin and Dmitrii Grigorovich as Listeners to Peasants» (с. 243–261) рассматривает кано-

нический сюжет «литератор и народ» с неприглядной «аудиальной» стороны, причем обращается не только к традиционной в этом разрезе фигуре Пушкина (*good listener*), но и к Григоровичу, которого современники воспринимали как *bad listener*. В статье Ольги Хасты «Banishing Catherine II: The Bronze Horseman» (с. 111–132) анализируется фигура умолчания правительницы в «петербургской повести», которая, по мнению исследовательницы, используется как критика Екатерины. Екатерининская тема продолжается Эндрю Вахтелем, который изучает «The Rhetoric of Pretendship in Pushkin and Njegoš» (с. 141–152) и предлагает сравнить антикатерининское притворство Пугачева Петром III с притворством, которое описал классик черной литературы Петр Негош в пятиактной драме «Lažni Tsar Šćerpan Mali» («Лжецарь Стефан Мальй»).

Уже не политическое, а литературное подражание анализируют Л. Н. Киселева и К. В. Новашевская, описавшие «Подражание как средство создания русского национального театра» (с. 153–169). В статье идет речь об А. А. Шаховском и его журнале «Драматический вестник», в котором архаистами создавался проект национального театра. Важной проблемой для них была формальная зависимость русской драмы от зарубежной при внешнем противопоставлении последней. Для разрешения этого противоречия Шаховский разрабатывал критерии определения «правильных» форм заимствования античной драмы и европейской музыки.

Превратностям межкультурной трансляции посвящена публикация М. Э. Баскиной (Маликовой) «Заметки к „байронизме“ П. А. Вяземского: „бледные выписки французские“ и цензурные вычерки» (с. 71–82). Исследовательница показывает, как под пером Вяземского переводы английского романтика оказывались не совсем верными из-за влияния посредника в виде французских переложений и какие неточности в связи с этим проявлялись в русском Байроне».

Интересный сюжет излагается в статье И. Ю. Виноцкого «Жуковский и Гоголь (из истории одного места)» (с. 171–197). «Место» здесь — не фрагмент текста, а локация, швейцарский городок Вева, где лечился Жуковский (публикацией одного из его писем открывается работа). Писатель активно поэтизировал это пространство как идиллическое, и его мифологию впитал Гоголь, работавший здесь над «Мертвыми душами» и искавший у себя следы той болезни, которая мучила старшего поэта.

Отношениям Гоголя с другим мэтром посвящена публикация Е. Э. Ляминой и Н. В. Савовер «Чужой (о стратегии вхождения Гоголя в пушкинский литературный круг)» (с. 199–241). Здесь пересматривается традиционный взгляд на безупречную дружбу Гоголя и Пушкина, а в качестве аргументации реконструируются обстоятельства их знакомства и анализируются гоголевские письма как своего рода

художественный текст, из которого становится виден почти хлестаковский характер литературного самоутверждения будущего классика.

В статье Памелы Дэвидсон «The Making of the „Russian Orthodox Milton“: Fedor Glinka's Quest for Epic Form» (с. 263–291) анализируется наследие поэта, который как никто другой работал над собственным образом поэта-пророка. От лирики, пронизанной сюжетами из Псалтири, он перешел к длинным эсхатологическим поэмам. Подтверждение собственной профетичности Глинка нашел во французских событиях 1848 года, но его прозрения так и не встретили сочувствия со стороны читательской аудитории.

Комментарий, приближающий к исчерпывающей полноте трактовок одного из самых известных русских стихотворений, предлагает А. Л. Осповат в работе «Стихотворение Тютчева „Умом — России не понять...“: материалы к пониманию» (с. 293–303). Ученый описывает текстологию, ритмику, идеологическое окружение и указывает на не замеченный ранее источник тютчевского афоризма.

Среди статей о литературе XX столетия прежде всего стоит отметить целый ряд интересных архивных публикаций. Для историков культуры первой волны русской эмиграции важными могут оказаться эпистолярии: «Александр Элиасберг: из писем к П. Д. Эттингеру» К. М. Азадовского (с. 311–332), «А. С. Штейгер. Письма к В. В. Морковину» А. Л. Соболева (с. 587–632), «Степун и Валентинов (Вольский) Манфреда Шрубы (с. 979–992), а также заметка Магнуса Юнггрена «From My Recollection» (с. 583–586) с публикацией письма Мари Роллан (Кудашевой) во французском оригинале с переводом на английский.

В этом блоке особенно выделяется работа «Б. В. Томашевский о *Vesax*» (с. 367–387), которая стала одной из последних прижизненных публикаций Н. А. Богомолова, скончавшегося в ноябре 2020 года. Грустная символичность видна в том, что ученый заканчивает свою библиографию эпистолярием юного Томашевского, которому к моменту отправки писем с критическим разбором символистского журнала лишь предстояла научная карьера.

Нельзя обойти вниманием две самые крупные публикации сборника — «Мать Мария: израильские отзвуки трагической судьбы» В. И. Хазана (с. 897–978) и «Из пастернаковской переписки. События нобелевских дней глазами брата» Л. С. Флейшмана (с. 713–857). Первая из них, включающая письма разных корреспондентов, интересна не только как вклад в изучение посмертной рецепции творчества Е. Ю. Скобцовой (в девичестве — Пилленко, по первому мужу — Кузьминой-Каравановой), но и как обширное введение в культуру послевоенной русско-еврейской диаспоры. Вторая из названных публикаций дает слово Александру Пастернаку, который был свидетелем работы старшего брата над «Доктором Живаго», видел Бориса в дни обрушившейся на него критики, а затем разбирал его архив, рас-

сказывая об этом своим зарубежным родственникам. Пастернаковская тема продолжается и в публикации А. Ю. Сергеевой-Клятиной «Письма Надежды Синяковой Борису Пастернаку» (с. 659–673), где идет речь о бурном романе из юности поэта.

На архивном материале построено несколько работ о литературных институциях и книжных проектах. Г. В. Обатнин реконструирует «Материалы к учению о рифме в башенной Академии стиха» (с. 333–365), где дана сводка источников о поэтических занятиях под руководством В. И. Иванова. Приведенные здесь с подробным комментарием конспекты Б. С. Мосолова позволяют более предметно понять, что происходило на занятиях Академии, где формировалась версификационная виртуозность младшего поколения модернистов.

Истоки уже не стихового искусства, а науки о стихе исследуют И. А. Пильщиков и А. А. Устинов в работе «Московский Лингвистический Кружок и становление русского стиховедения (1919–1920)» (с. 389–413). Комментируя протоколы ранних заседаний МЛК, авторы описывают полемику молодых ученых с символистской теорией стиха, отдельно указывают на ведущую роль в проводившихся дискуссиях Б. В. Томашевского, который к тому моменту еще не ассоциировался с петроградским «крылом» формализма.

О несостоявшихся мемуарах «неудачного сына» И. Ф. Анненского рассказывает А. В. Лавров в статье «Недописанная книга Валентина Кривича» (с. 551–567). Сочинение, которое могло бы стать важным вкладом в корпус воспоминаний о культуре начала прошлого века, так и не было написано, хотя сохранился его проспект, публикуемый с подробными комментариями.

Другая неизданная книга, о которой идет речь в сборнике, была написана и составлена, но так и не вышла в свет и лишь по случайности дошла до наших дней. Ей посвящена работа Федора Полякова «„Краем глаза, через полстолетия“: Неизданная антология Эллиса „Певцы Германии“» (с. 857–872). Поздний период биографии Л. Л. Кобылинского изучен хуже символистского, и лишь теперь выясняется, что он работал над сборником переводов, охватившем несколько веков развития немецкой поэзии.

Ценные архивные данные вводит в оборот М. М. Павлова в публикации «Из материалов Федора Сологуба в собрании М. С. Лесмана» (с. 569–581): машинописный сборник поэта «Стихи 1926 года» и воспоминания Т. Н. Черновитовой о гибели Александры Чеботаревской.

В сборнике представлено сразу несколько биографических очерков о литераторах второго ряда. В заметке «Итальянский поэт-дилетант в Одессе» (с. 305–309) Стефано Гардзони рассказывает о Сильвио Коцио (1857–1927), вице-консуле и сонетисте, авторе поэтической книги «Dalle sponde del Mar Nero. Poesie» [С берегов Черного моря. Стихотворения] (Одесса, 1911).

В статье М. Г. Сальман «Из юношеских лет Елены Тагер (Материалы к биографии. 1895–1924)» (с. 443–483) не только описываются первые тридцать лет жизни и творчества героини, но также делается экскурс в историю петербургской-петроградской интеллигенции, приводятся ценные сведения о Стоюнинской гимназии, ее преподавателях и ученицах.

Еще один очерк выполнен в форме комментария к фразе из воспоминаний А. Е. Крученых «Наш выход», в которой упоминается «Клавдия Я-он». Скрытую за сокращением фамилию выявляет В. В. Нехотин в работе «Я-он, установленное лицо. К биографии Клавдии Яковсон» (с. 503–515). Исследователь описывает жизнь литературного секретаря Крученых, приводит единственное известное стихотворение Яковсон, публикует ее фотографию, несколько писем, портрет и автограф.

Другой материал в том же жанре — «Из Именного указателя к *Записным книжкам* Ахматовой: Круг Вячеслава Иванова — Владимир Пяст» (с. 421–435) Р. Д. Тименчика. Биография Пяста в общих чертах изучена, поэтому исследователь сосредоточен именно на его пересечениях с Ахматовой, подробно контекстуализируя каждый известный факт встреч двух поэтов или взаимных упоминаний.

Остроумная методология избрана Григорием Утгофом в «Заметках о „Подвиге“ / „Gloru“» (с. 633–652). Для объяснения «темных» мест русского текста набоковского романа ученый обращается к черновой машинописи перевода, выполненного писателем и его сыном. Машинопись, как и слой правок на ней, подсказывают некоторые ключи к тексту, которые были скрыты в итоговой версии «Gloru».

Трансформации разных редакций изучает и Рональд Вроон, опубликовавший в сборнике обширный комментарий «„Zzyyz — zhzha!..“ Textual Criticism and Textual Politics in a Poem

by Velimir Khlebnikov» (с. 485–501). Опираясь на впервые публикуемую «промежуточную» версию текста «Три года гражданской войны», текстолог показывает, как в разных версиях меняется политический заряд, закладываемый в стихотворение футуристом.

Наконец, война (но уже Вторая мировая) инспирировала сюжет библиографических заметок Бориса Равдина «И. С. Тургенев на страницах поднемецкой печати 1942–1945 гг.» (с. 873–896). Помимо списка публикаций о классике в коллаборационистских изданиях, автор составил приложение с републикацией самых показательных материалов из библиографии.

Этим не ограничивается сборник, содержащий также ряд аналитических разборов разнообразных литературных проблем,¹ однако уже предпринятый обзор показывает, что новые литературные факты, расширение эмпирического материала — лучший подарок скрупулезному историку, юбиляру Майклу Вахтелю.

¹ «By the Numbers: Notes on Analyzing Russian Verse Rhythm» Барри П. Шеппа, «Again on Bakhtin and Poetry, with a Very Long Preface on the Perfidious Cult» Кирил Эмерсон, «Casti, Salieri, and Peter the Great: On Salieri's Heroicomic Opera „Cublai, gran kan de'Tartari“» Марио Корти, «Slaying the Dragon of Symbolism: Nikolai Gumilev's Poem of the Beginning» Эмили Вонг, «Anna Akhmatova and the Nobel Prize» Магнуса Юнггrena, «„Наше объединение свободное и добровольное“: Николай Заболоцкий в ОБЭРИУ» А. Б. Устинова и И. А. Лоцилова, «„Silentium“ О. Мандельштама: стихотворение с почему-то не замеченным ключом» О. А. Лекманова, «Pushkin as Camouflage: Pasternak's Posthumous Dialogue with Tsvetaeva in Doctor Zhivago» Алисы Д. Гиллеспи.

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-1-276-279

© В. А. Котельников

ФРАНЦУЗСКИЙ СЛОВАРЬ ДОСТОЕВСКОГО*

Французские читатели, которым в той или иной степени известен и интересен Достоевский как писатель и мыслитель, получили хороший подарок: в нынешний год юбилея под эгидой парижского Института славянских исследований вышел из печати «Dictionnaire Dostoïevski», подготовленный крупным европейским славистом профессором Мишелем Никё.

* Dictionnaire Dostoïevski / Par M. Niqueux. Paris: Institut d'études slaves, 2021. 320 p. (CLEFS pour... № 3).

Но это подарок и для русских филологов, прежде всего специалистов в данной области: перед ними предстанет своего рода «космос» Достоевского в основных тематических узлах — предстанет таким, каким видится он сегодня французскому ученому. Нам такой взгляд весьма важен, поскольку в нем, при некотором сдвиге точки зрения в западном направлении, связываются в идейный и художественный универсум главные аспекты творчества Достоевского в соответствии с французским пониманием писателя.